Эта краткость будет еще более очевидной при сравнении с пространным описанием Кирши Данилова. Иван Годинович, после отказа, в гневе уезжает обратно в Киев и обращается к Владимиру, рассказывая подробно о своей неудачной поездке. Киевский князь остро отзывается на эту обиду, посылает воинскую силу. Иван вновь является в Чернигов и уже силою берет себе невесту.

Очень подробно очерчен образ рассерженного отказом Ивана Годиновича в записи Маркова (№ 78):

Как ёго шевелились плечи богатырские,
Разъерилось ёго да ретиво сердце,
Раскипеласе его кровь горячая,
А хватил-то он свою да саблю вострую,
Он как начал по столам сабелькой помахивать,
Заревели тут татаровья поганыя,
А король-от под столы ти все пехаиться,
Соболиной черной шубой закрываиться...

Аналогичное выражение гнева видим в записях Гильфердинга (№ 51), Рыбникова (т. I, № 33). В других менее подробных вариантах сказители также останавливаются на описании гнева жениха, вызванного отказом отца невесты (Марков, № 14; Тихонравов и Миллер, № 43[1] и др.).

Мало связаны с упоминавшимися выше словами о гневе Ивана Годиновича строки рукописи о пире в доме черниговского купца Дмитрия, не встречающиеся в таком контексте среди живых записей. Пиршество в доме невесты и отъезд Ивана Годиновича происходят, несмотря на явное противоречие, в мирной обстановке:[2]

...Неунимчиво сердце
багатырское молода Ивана Годи-
новичя, не меды сытить не пи-
ва варить, походило во гридне
столованье почесътное, садились
за столы за дубовы за ѣствы
сахарные и за питья медвяные.
Имал Настасью за белы руки за

[1] Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

[2] Почти во всех живых записях, начиная от Кирши Данилова, отъезд Ивана Годиновича происходит вопреки отцовской воле.

Добром мы у тебя сватались,
А сватался Владимир князь;
Не мог ты честью мне отдать —
Ноне беру и не кланяюсь.
Вытащил ее середи двора...
(Кирша Д., строка 145).

В записи А. М. Астаховой (Былины Севера, № 29) Иван Годинович, увозя Настасью Бугригорьевну, так отвечает на приглашение:

На приезде нонь гостя не употчевал,
На поезде нонь гостя, нонь не употчуешь,
(строки 72—73).